

УДК 101.1:316.543.3:159.953.3:94

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИИ: PRO ET CONTRA

Корнющенко-Ермолаева Наталия Сергеевна,
nskorn@yandex.ru

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

Корнющенко-Ермолаева Наталия Сергеевна, старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Актуальность: повышенный интерес к истории и коллективной исторической памяти в начале XXI столетия связан с кризисом национальной идентичности и утратой четких представлений о будущем. Статья посвящена проблеме взаимоотношений исторической науки и памяти на протяжении двух последних столетий, которая сводится к решению вопроса о том, как соотносится история как научный дискурс и коллективные представления о прошлом, репрезентированные в концепте «коллективная историческая память». Отправной точкой к рассматриваемой проблеме стал «мемориальный поворот» второй половины XX в. Предпринята попытка реконструкции дискуссии по этому вопросу на примере четырех современных концепций. **Цель:** показать основные аргументы участников полемики по данной теме и сформулировать основные позиции в её решении (выявлены четыре основные точки зрения по обсуждаемому вопросу: «позиция последовательной трансформации памяти из живого опыта в архив», «позиция антагонизма между памятью и историей», «позиция ограничения памяти как достоверного источника исторических фактов» и «позиция интеграции памяти в историю»). **Методы.** Теоретико-методологической основой исследования выступают концепции памяти М. Хальбвакса, П. Нора, А. Мезилла и А. Ассман и их сравнительный анализ. **Выводы:** выявлены особенности взаимоотношений между историографией и памятью социальных групп, которые предполагают возникновение идейных конфликтов. История и память не могут существовать независимо друг от друга. Они не развиваются в противоположных направлениях, а находятся в постоянной борьбе между собой и при этом неизбежно зависят друг от друга. Изучение официальной наукой различных версий исторической памяти открывает новые возможности для интерпретации событий прошлого и предсказания будущего. Способ организации взаимоотношений коллективной исторической памяти и истории можно сформулировать как принцип комплементарности. Он выражается в том, что память и историческое знание могут выполнять свои функции, только взаимодействуя и дополняя друг друга по содержанию.

Ключевые слова: Коллективная историческая память, «мемориальный поворот», история, принцип комплементарности, историографические революции.

Актуализация проблемы взаимоотношений между исторической наукой и памятью вызвана причинами, последовательно сформировавшимися ко второй половине XX в. Во-первых, это история массовых драматических событий и человеческих страданий. Две мировые войны, революции и массовые репрессии, существование концлагерей – неизбежные спутники истории XX в. Осмысление и объяснение произошедшего поставили профессиональных историков перед вопросом о возможностях понимания и способах интерпретации коллективных травматических событий, которым до этого не было аналога в истории. Во-вторых, третья коммуникативная революция, после письменности и книгопечатания, привела к изменению способов хранения информации. Это уже не только архивы и музеи, семейные хроники и мемуары. К ним добавились элек-

тронные средства фиксации, хранения и воспроизведения информации о пережитом опыте, документальная кинохроника, средства массовой информации, беллетристика и символические ритуалы. Увеличилось число и многообразие свидетельств о прошлом. «Эту совместную эволюцию технологии и памяти сегодня часто описывают с помощью понятия «эмергентности», имея в виду процесс, который разворачивается за пределами агентности и контроля по совершенно непредсказуемым траекториям» [1, с. 4].

В-третьих, история второй половины XX в. пишется не только усилиями профессиональных историков, людьми одного интеллектуального уровня, получивших соответствующее образование. К этому процессу подключились журналисты и профессиональные фотографы, режиссеры-документалисты и писатели [2]. В обществе постмодерна изменился сам процесс формирования социальных групп. Теперь он происходит по принципу участия и сопричастности к какому-либо историческому событию. Например, социальная группа узников концлагерей, семьи жертв политических репрессий, сообщество участников и ветеранов афганской войны, жителей блокадного Ленинграда и т. д. Таким образом, в процессе изменения и дифференциации, которые происходили в обществе постмодерна, произошло расширение социальных групп. Их участники возложили на себя миссию по сохранению и трансляции коллективного опыта при столкновениях с банальностью массового зла в XX столетии. Историческое знание не может более обходиться вниманием свидетельства очевидцев и участников массовых катастроф, опыт которых требует от историка не только новых методов исследования, но и пересмотра оснований и принципов исторической науки как профессионального дискурса. «Императив истории <...> вышел далеко за пределы круга профессиональных историков. Не только обычные маргиналы официальной истории оказались захвачены потребностью восстановить свое исчезнувшее прошлое. Все организованные сообщества, интеллектуальные и нет, ученые и нет, а не только этносы и социальные меньшинства, обнаруживают необходимость заняться поисками основ своей собственной организации, разысканием своих истоков» [3, с. 32]. В обществе постмодерна интерес к мнениям и обыденным представлениям широких масс появляется у политической элиты, но не только. Широкие слои населения проявляют интерес к сведениям о собственных взглядах и позициях по общественно важным вопросам. «...В последнее десятилетие поле памяти самым решительным образом видоизменилось. Под влиянием процессов глобализации пространства памяти и состав сообществ памяти были переопределены» [1, с. 1]. В этом скрывается причина столь массового распространения опросов общественного мнения начиная с 1930-х гг.

Одна из причин обращения исторической науки к содержанию «исторической памяти» и постановка вопроса о их соотношении связаны с тем, что «поколение очевидцев тяжелейших в анналах человеческой истории преступлений сейчас постепенно уходит из жизни» [4, с. 29]. Возможность успеть зафиксировать эти свидетельства становится особенно важной задачей для историографии. В свою очередь, самим жертвам массовых исторических катастроф кажется, что в отношении тех событий с течением времени возникла угроза забвения. Вытеснение из памяти важных воспоминаний не всегда ими осознается. Чаще всего оно связано со сменой поколений и ослаблением усилий по сохранению этого травматического опыта. В связи с этим возрастает активность носителей памяти и интенсивность действий со стороны профессиональных историков и журналистов по запечатлению их опыта.

Если обратиться к истории взаимоотношений исторической науки и памяти, можно обнаружить, что в древности эти феномены не противостояли друг другу, а пересекались. «Для всех более ранних форм историописания характерно то, что они создавали

себя как разновидность воспоминания, как сохранение памяти» [4, с. 43]. Слово «история» означает и «то, что случилось», т. е. событие, и «рассказ о том, что случилось», который многократно воспроизводился и постепенно обрастал подробностями и деталями, трансформируясь в нарратив. Следовательно, история как наука берет свое начало из памяти, а память выступает в качестве первоисточника и основы исторического дискурса. Однако до определённого момента сама память как феномен не была объектом исследования для историка, который «...был заинтересован непосредственно самими делами, а не способами их запоминания» [5, с. 135]. Для него были важны сами события, их причины и последствия, но не то, как и почему они запечатлелись в памяти современников. Память для историка еще не имела эвристической ценности, она была только способом сохранения и воспроизведения знания о прошлом. «...Историк использует память, чтобы добраться до того, что лежит вне нее. Это не только позиция Фукидида, до недавнего времени это также было бесспорной господствующей тенденцией в профессиональной истории» [5, с. 138].

Наиболее явно разделение памяти и истории произошло только в XIX столетии. Это время считается официальной датой возникновения исторической науки в качестве профессионального дискурса, а также классической модели исторического исследования. Историописание стало уделом образованной элиты. Именно в это время память и история «открыли друг в друге свою противоположность» [4, с. 43]. По мере того как историческая наука соединяется с метаперспективой и все больше претендует на статус универсального и объективного знания, она все больше удаляется от памяти. «История в XIX и начале XX в. выдвигала требование своего рода абсолютной объективности, которое сегодня, очевидно, не может быть поддержано» [5, с. 159, 160], поскольку в конце XX в. история пережила третью историографическую революцию, в результате которой в рамках исторического дискурса была сформирована неоклассическая модель исторического исследования. Для нее характерен «поворот к субъективности», интерес к коллективным представлениям о прошлом и «открытие» микроисторических исследований как нового стиля в историописании.

В исторической науке второй половины XX в. произошел так называемый «мемориальный поворот». В результате перед историками актуально встает вопрос об изучении массовых обыденных представлений о прошлом, т. е. вопрос об исследовании коллективной и автобиографической исторической памяти. «Озабоченность проблемой памяти как объектом ценности, а на самом деле, как объектом почитания, появилась в недавнем прошлом как ответ на события, которые мы теперь называем Холокостом, или Шоах. Озабоченность памятью возникла в этом контексте вслед за пониманием того, что в недалеком будущем все выжившие в Холокосте будут мертвы...» [5, с. 135]. Тема памяти была подхвачена не только профессиональными историками, но журналистами и кинематографистами. Благодаря их совместным усилиям начинают создаваться аудио- и видеоархивы, фиксирующие воспоминания жертв массовых катастроф XX в. В результате запускается процесс сакрализации особенно травматичных событий, а одновременно с ними – сакрализации свидетельств выживших жертв. В связи с этим появляется сложная для исторической науки альтернатива: историзации или сакрализации события и свидетельств их участников. «Исследования памяти возникают из популярного и востребованного недоверия к истории конца XX – начала XXI вв. Из этого стремления переключить внимание с объекта изучения на говорящего и чувствующего субъекта, по общему признанию, возникают хорошие вопросы: кто пишет историю, в чем причины, каковы последствия и как это делается?» [6, с. 151].

Как заметил французский историк П. Нора, «проблема памяти поднимает сегодня перед историографией вопросы, которые прошлое поколение связывало с ментальностью» [1, с. 57], т. е. с системой образов и представлений, лежащих в основе коллективных воспоминаний о мире и определяющих поведенческие действия людей определенной эпохи. Это привело не только к стиранию границы между созданием профессионального и массового исторического знания, но и к трансформации одной из главных функций исторической науки, связанной с увековечиванием настоящего. В обществе постмодерна она приобретает новое качество и несравненно больший масштаб, поскольку историк встает перед необходимостью выполнения особой социальной миссии – произвести отбор, сортировку и выбор способа хранения, подлежащего увековечиванию исторического материала. В результате произошедших изменений в обществе постмодерна предметом исследования исторической науки все больше оказывается не историческое событие как таковое, а коллективные представления о прошлом, сконцентрированные в сознании и бессознательных структурах как отдельных людей, так и сообществ: их содержание, способы передачи от поколения к поколению, их функционал.

Изучение коллективной исторической памяти требует от историков принципиально других средств изучения, другой метафизической и этической позиции. Эта ситуация порождает ситуацию напряжения и конфликтности в историческом дискурсе. Известный немецкий историк и теоретик культуры Й. Рюзен утверждает, что «осмысление исторической репрезентации через категорию памяти может заставить историков почувствовать себя неудобно, поскольку оно очень легко выходит за рамки или даже отрицает те стратегии обращения к прошлому, которые конституируют исторические исследования как дисциплину или как «науку» и как профессиональное занятие историков» [7, с. 40]. Важно подчеркнуть тот факт, что современные тенденции, связанные, с одной стороны с мемориальными практиками, с другой – с формированием идеологических конструктов, в которых память доминирует над историей, вызывают опасения и тревогу у научного и философского сообщества. Профессиональные историки неоднократно обращали внимание на то, что государство и СМИ провоцируют ситуации «нарушения режима доверия» исторической науке и историкам, когда очевидцам и участникам событий верят больше, чем историкам, которые стремятся сформировать объективную и критическую точку зрения на события прошлого.

Таким образом, проблема соотношения истории как науки и коллективной исторической памяти сводится к решению вопроса о том, как выстраиваются отношения истории как научного дискурса и коллективных представлений о прошлом, репрезентированных в концепте «коллективной исторической памяти». Как в современном историческом дискурсе история связана с памятью? В чем их принципиальные отличия? Как история оказывает влияние на формирование коллективных представлений?

Попробуем проследить, какие изменения произошли в обсуждении этого вопроса с середины XX века и, как результат, привели к формированию нескольких, наиболее обоснованных, позиций.

Одним из первых, обративших внимание на проблему взаимоотношений исторической науки и памяти, был французский философ и социолог М. Хальбвакс. Его труды П. Рикер назвал подлинным введением «в проблематику сопоставления коллективной памяти и истории» [8, с. 168]. Отношение коллективной памяти и истории М. Хальбвакс определяет как отношения последовательности. Когда прошлое как ушедшее перестает переживаться актуально, утрачиваются живые связи с лицами и местами, появляется история. «...История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [9]. Коллективная память

воплощает свои представления о прошлом в традициях и ритуалах, а поддержание традиций, в свою очередь, является условием осуществления работы памяти. Следовательно, как утверждает М. Хальбвакс, возникновение истории как науки напрямую связано с утратой устной традиции передачи совместного опыта от поколения к поколению, зафиксированного в воспоминаниях и ритуальных действиях. Прошлое как ушедшее, но еще актуально востребованное настоящим, существует пока есть живые носители воспоминаний, передающие их в многократно повторяющемся рассказе и коммеморативных практиках. Прошлое существует, пока его образы и смыслы востребованы следующими поколениями. Традиция, в отличие от памяти, не имеет персоналистического измерения, она анонимна и заканчивается, как только её перестают поддерживать. «...Спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа» [9], т. е. сделав их достоянием истории как формы рациональной памяти.

Хальбвакс утверждал, что история действует прямо противоположно работе коллективной памяти. Историческое исследование ориентировано на максимально полное восстановление фактов. Для исследователя-историка обязательна критическая позиция по отношению к прошлому. Он должен воздерживаться от эмоциональных оценок событий. Память же селективна и избирательна, она часто стремится сохранить те воспоминания, которые не являются значимыми с точки зрения профессиональной истории. Память не критична и всегда эмоционально окрашена. События и образы, восстанавливаемые памятью, ненадежны и изменчивы. «...Наше сознание словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света» [10, с. 56]. В отличие от коллективной памяти, которая передается от поколения к поколению в форме устного рассказа, история требует письменной фиксации знания о событии и проверки его на достоверность. Главная цель истории – создать критически осмысленную картину прошлого. Задача ученого показать, как в передаче реальности прошлого ненадежна память и как объективна история. Таким образом, история и память восстанавливают разные типы прошлого. История стремится к наиболее полной реконструкции события, а память – к реконструкции образов и смыслов, которые запечатлелись в сознании участников и очевидцев произошедшего. История направлена на то, как и почему произошло событие, а память – на то, как его запомнили участники и очевидцы, транслируя его посредством нарративов следующим поколениям.

Анализируя оппозицию «память–история», французский социолог обращает внимание на то, что коллективная память актуализирует сходство между прошлым и настоящим. История же указывает на различия. В своих работах М. Хальбвакс упоминает несколько причин, по которым история и коллективная память не совпадают, и их изучение представляет собой абсолютно разные задачи. Во-первых, он утверждает, что для коллективной памяти как совокупности представлений о совместно пережитом опыте характерна такая черта, как непрерывность развития. В памяти отсутствуют строгие разделительные черты, которые так характерны для исторической науки. Память – «это непрерывный ход мыслей, и в его непрерывности нет ничего искусственного, поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Она, по определению, не выходит за пределы этой группы» [9]. История же традиционно разделяется на события, эпохи, периоды. Во-вторых, существенным свойством коллективной памяти, по Хальбваксу, является полифония, или многоголосье, поскольку коллективных памятьей

много. Их столько, сколько в обществе социальных групп. Индивид может принадлежать одновременно к нескольким группам, поэтому его память представляет собой противоречивое сочетание представлений о прошлом. Коллективная память, в отличие от исторической науки, предлагает возможность противоречивого и порой конфликтного сосуществования различных версий прошлого. История же представляет собой нечто единое. «Историю можно представить как универсальную память человеческого рода. Но универсальной памяти не существует. Носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени» [9]. Следовательно, память – это всегда субъективная реальность, конституированная групповыми ценностями и интересами. История же, утвердившись в качестве научного знания, стремится к универсальности и объективности. Сближаясь с метаперспективой, историография стремится освободиться от корпоративных интересов и ценностей и быть беспристрастной в своих дискурсах.

В-третьих, коллективная память проявляет себя через создание сходных представлений о прошлом для представителей одной социальной группы или поколения. Именно поэтому спустя полвека Сьюзен Сонтаг назовет коллективную память конвенцией, соглашением [2]. Это та идея, версия произошедшего, с которой согласно большинство представителей социальной группы. В коллективной памяти фиксируется единое понимание и определенное ценностное отношение к тем или иным историческим событиям, которое закрепляется в письменных источниках, языке, нормах поведения, местах памяти и ритуалах. Эта версия может вступать в конфликтные отношения с фактами официальной истории. Главная функция коллективной памяти, по Хальбваксу, в трансляции этих знаний последующим поколениям, т. е. отличительными свойствами памяти являются преемственность и общность представлений. Историю же интересуют различия в представлениях о событии и разрывы преемственности.

Однако М. Хальбвакс не отрицает взаимосвязь памяти и истории, фиксируя её в качестве перехода. Память, зафиксированная сначала в устном рассказе очевидцев, а потом записанная в целях сохранения, по мере ухода её живых носителей, трансформируется в историю, в архив и становится предметом пристального внимания со стороны историков.

М. Хальбвакс сформировал свою позицию за несколько десятилетий до «мемориального поворота» в историографии. В научном дискурсе начала XXI в. память и история не находятся более в оппозиции, однако нельзя сказать, что взгляд французского социолога на эту проблему потерял свою актуальность. В отечественной и зарубежной истории достаточно примеров, подтверждающих основную мысль М. Хальбвакса о том, история начинается там, где заканчиваются проявления «живой памяти».

В концепции французского историка и философа П. Нора конфронтация между историей и памятью, намеченная в работах М. Хальбвакса, еще более усиливается. Его позиция выражается в парадоксальном утверждении, констатирующем гибель коллективной памяти, которая происходит «под захватническим натиском истории» [3, с. 19]. Таким образом, история не просто встает в оппозицию по отношению к памяти, но и выступает в качестве агрессора, уничтожающего живые воспоминания. «О памяти столько говорят только потому, что её больше нет», – утверждает П. Нора [3, с. 17]. Что же заставляет французского мыслителя констатировать исчезновение коллективной памяти? Постепенная гибель коллективной памяти есть неизбежный результат смены традиционного типа общества индустриальным и постиндустриальным. Каждый тип общества использует свой, особый способ сохранения информации, и является носителем уникального вида памяти. В основе архаичных обществ лежит живая память соци-

альных групп. Её механизмы работы связаны с воскрешением того, что произошло посредством ритуальных повторений.

Символические структуры, закреплённые в коллективной памяти, связывают индивида с его современниками, образуя единое сакральное пространство ценностей, совместных действий по поддержанию идентичности и общих ожиданий. Эти структуры обладают связующей и императивной силой, которая устанавливает между членами социальной группы или общности взаимное доверие и возможность коммуникации. Одновременно с символическими структурами, смысловые конструкции коллективной памяти, связывают индивида с его предками, жившими в относительно удалённом прошлом. Эти смыслы обнаруживаются как нарративные образования, длительное время сохраняющиеся в коллективной памяти в виде устной традиции мифа и сказаний, письменных текстов и книг. Любая нация создаёт то, что можно определить как её «коннективную структуру» [11]. Главный принцип любой коннективной структуры представляет собой повторение, которое лежит в основании процесса запоминания, воспроизводства и фиксации в коллективной памяти общих норм и ценностей, формирующихся на протяжении длительного времени, и является результатом осмысления общностью совместного исторического прошлого. Наличие коннективной структуры является обязательным условием для формирования идентичности и объединения отдельных индивидов в некое социальное «Мы». Повторения, происходящие в процессе ритуальных действий во время праздников и обрядов, восстанавливают в коллективной памяти предшествующие, значимые для общности события национальной истории и их эмоциональное переживание. Эти повторения формируют и фиксируют отнесенность человека к данной общности.

П. Нора определяет присущую архаичным обществам память как целостную, диктаторскую и «неосознающую себя» [3], «память без прошлого» [3], которая вечно возвращает наследие, превращая прошлое предков в миф. Традиционные общества – это общества памяти. Их миссия связана с сакрализацией воспоминаний – сохранением и передачей ценностей, которые необходимо взять с собой в будущее для непрерывного продолжения традиций.

Индустриальный подъём, вытесняя патриархальные порядки своего предшественника, порождает «общество ускорения». Представители этого общества обречены на забывание, потому что вовлечены в круговорот изменений. Новый тип общества порождает новые формы сохранения информации, которые не требуют более коллективного вовлечения в ритуальные практики. Происходит процесс постепенного распада самого способа восприятия истории, подменяя «память, ограничивавшую свое наследие самым сокровенным, эфемерной фотографией актуальности» [3, с. 17]. Содержание памяти более не создается её живыми носителями: малыми народами, семьями, социальными группами, теми, «кто обладал сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории» [3, с.18]. Память с этого момента формируется медийными средствами. Из всех социальных групп, потерявших способность к воскрешению живых воспоминаний, это замечание более всего касается нации, которая перестала быть консолидирующей силой и воплощением коллективной исторической памяти как духовного центра коллективных ценностей. С этого момента память формируется извне, а не изнутри. Этот новый вид памяти «есть только история, след и выбор» [3, с.19]. Нора констатирует два самых разрушительных последствия произошедших изменений. Это исчезновение тождества истории и памяти и обрыв древней связи идентичности.

Причину исчезновения коллективной памяти французский историк связывает с двумя нарастающими в обществе процессами: делегитимизации и деритуализации. Оба процесса взаимообуславливают друг друга. Делегитимизация представляет собой про-

цесс утраты доверия к памяти. Он выражается в усилении принуждения со стороны государства «помнить так-то и так-то», установления ограничений и запрещения любых альтернативных воспоминаний. Всё, что не укладывается в «прокрустово ложе» официальной памяти, попадает под запрет. Этот процесс выражается в ужесточении цензуры и контроля СМИ. Нарастает идеологическое обеспечение – формируется новая национальная идея, миссия нации, которая находит своё обоснование в историческом прошлом. Интенсивность информационного обеспечения выражается в потоке документальных фильмов и передач. Эти процессы приводят к росту политической апатии и пассивности населения.

Не менее важной причиной, приводящей к исчезновению коллективной памяти, является деритуализация. Отправление ритуалов, которые поддерживали существование коллективной памяти в традиционном обществе, уходит в прошлое, тем самым превращая память в историю. Поддержание памяти теряет связь с социальными действиями групп, которые в повседневной жизни переживались как замкнутое религиозное повторение того, что было всегда. «Как только появляется след, дистанция, медиация – мы больше не в истинной памяти, но в истории» [3, с. 19]. В результате Нора приходит к выводу, что память и история противостоят друг другу и не могут рассматриваться как синонимы.

Одним из важных моментов, по которому П. Нора согласен с М. Хальбваксом, заключается в том, что пространство и время выступают как феномены, организующие память. Пространство, которое является определяющим для формирования индивидуальной памяти, оказалось не менее востребованным и для формирования памяти коллективной. Однако если техника запоминания связана с воображаемым пространством, то коллективная историческая память, сохраняющая и воспроизводящая исторические коды, – с расстановкой знаков в естественном пространстве. Исторические объекты, размещенные в пространстве (памятники, здания, улицы и площади, целые городские кварталы), а иногда и само пространство, наделяются специфическими культурными смыслами, семиотизируются. Семиотизированное историческое пространство оказывает влияние на формирование эмоциональной связи с «малой родиной» и этнической идентичностью. В отличие от М. Хальбвакса, понятие «коллективная память» П. Нора почти не употребляет, поскольку считает его слишком размытым. Оно, по мнению мыслителя, подходит только для исследования истории ментальностей Новейшего времени. Это послужило причиной того, что П. Нора вводит новое понятие – «места памяти».

К этому понятию в современном философском и историческом дискурсе тоже есть замечания, поэтому следует разобраться, какое содержание в него вкладывает французский философ. Необходимо заметить, что этот термин значительно старше концепции П. Нора и был заимствован им из индивидуальной мнемотехники («поля памяти», «дворцы памяти»). В контексте «коллективной памяти» он наделен смыслом «пространство как образ события». Места памяти – это «останки» прошлого, это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [3, с. 18]. В работах П. Нора существует несколько определений этого понятия. «Места памяти» являются местами в трех смыслах – материальном (монументальные и топографические места), символическом и функциональном. Таким образом, места памяти – это, во-первых, монументальные места, такие как некрополи, памятники, улицы городов и архитектурные сооружения. Во-вторых, топографические места: музеи, библиотеки, архивы. В-третьих, места памяти – это символические места (коммеморативные церемонии, паломничества, юбилеи и эмблемы). И, наконец, функциональные места: учебники, книги, автобиографии и мемуары.

Таким образом, под понятием «места памяти» подразумеваются не только материальные объекты. Это понятие скорее пытается показать связь с глубокой интеллектуальной традицией. Ведь к числу мест памяти П. Нора также относит революцию, публичные церемонии похорон исторических личностей, празднование юбилеев исторических событий и годовщин смерти и рождений великих людей (например, столетие Вольтера и Руссо), Марсельезу, Пантеон (в Париже) и т. д. Модусы мест памяти взаимосвязаны, они всегда тесно сосуществуют. «...Место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [3, с. 30]. То же самое можно сказать и о функциональных местах памяти. Если школьный учебник, завещание или мемуары не наделены символической аурой, они не становятся местами памяти.

Появление «мест памяти» имеет несколько причин. С одной стороны, коллективная память находится под угрозой уничтожения. Утраченное прошлое, живущее только в сознании определенной группы, может исчезнуть навсегда вместе с уходом её живых носителей. В этом случае само «место памяти» превратится в историю, которая не будет поддерживаться памятью. С другой стороны, официальная история деформирует и трансформирует живую память, пытаясь её «размять и превратить в камень» [3, с. 43]. В качестве главной причины появления понятия «места памяти» П. Нора называет детерминацию нашего мира, т. е. прекращение коллективных практик ритуальных действий, которые циклически повторяются в традиционных обществах.

Еще одной из причин появления «мест памяти» французский философ называет желание помнить и чувство отсутствия спонтанной памяти. «Нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [3, с. 31]. Таким образом, французский мыслитель подчеркивает не биологическую, а социальную, искусственную природу памяти. Она не существует как естественно данная от природы когнитивная способность фиксировать и воспроизводить информацию, её существование возможно только посредством коллективных ритуальных повторяющихся практик, которые каждый раз восстанавливают в коллективной памяти значимые образы и переживания, связанные с ними. «Без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь. Это и есть главные бастионы мест памяти. Но если бы тем, кто их защищает, ничто не угрожало, то не было бы необходимости их строить» [3, с. 21]. Главной угрозой существованию живой памяти французский философ считает историю-критику, которая превращает живые воспоминания в архив, трансформирует их в застывшие каменные монументы. Однако П. Нора указывает на противоречивость этого процесса, поскольку если бы история не увековечила воспоминания уходящих из жизни социальных групп, то они исчезли безвозвратно, растворившись в потоке времени. Таким образом, по мере исчезновения памяти наблюдается усиление потребности в сохранении этой памяти, поддержании своеобразных легенд и мифов в истории. Можно утверждать, что чем меньше память переживается коллективно, тем больше она нуждается в специальных людях, которые сами превращают себя в «людей-память». Такие люди становятся носителями традиций и ритуалов.

Главная опасность, на которую обращает внимание французский мыслитель, заключается в том, что в обществе постмодерна коллективная память формируется и управляется со стороны государства, социальной и политической элиты и сообществ с определенным историческим и поколенческим опытом. Они не только организуют память в архивы, но и способны прагматично извлекать пользу из образов прошлого, зафиксированных на уровне коллективного сознания. Коллективная память как субъектив-

ная реальность, как «...эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием» не исключает «всевозможных манипуляций, изменений, вытеснений, забвения» [3, с. 46]. В концепции П. Нора появляется тезис, который, с одной стороны, разграничивает коллективную живую память и историю, с другой – порождает проблему разграничения коллективной живой памяти с памятью официальной.

Официальную память П. Нора наделяет такими эпитетами, как «косвенная», «вторичная», «память-протез», «память, захваченная историей». Её существование связано с бесконечным производством архива и установлением памятных дат в национальной истории. Как только историческое событие, воспоминание о котором хранилось в памяти социальных групп, превращается в национальный праздник, оно становится местом официальной памяти. Эта косвенная, вторичная память «входит в нас извне, и мы интериоризируем ее как индивидуальное принуждение, поскольку она больше не является социальной практикой» [3, с. 21]. Стремление социальной памяти все регистрировать свидетельствует об исчезновении истинной коллективной памяти. У этой памяти три признака, которые П. Нора называет «метаморфозами памяти». Это господство архива, «память-долга» и «память-дистанции».

Профессор истории университета Вирджинии, один из самых известных исследователей исторической памяти, Аллан Мегилл в своих работах отстаивает необходимость устранения памяти, как автобиографической, так и коллективной, из достоверных источников и объективных доказательств истории и замене её тем, что не будет «привязано к желаниям настоящего» [12, с. 12]. Он категорически высказывается против позиции, согласно которой историческая наука должна оставаться формой или продолжением памяти, а её центральной задачей – сохранение и восполнение дефицита памяти по целому ряду причин, с которыми и следует разобраться. Выражая серьезные сомнения в том, что «истинная функция истории заключается в защите правильной позиции в настоящем» [13, с. 75], американский исследователь предупреждает об опасности того, что история может трансформироваться в политику и даже войну, которая будет вестись между социальными группами, но только другим оружием.

Возникает совсем не праздный вопрос: на каком основании американский историк считает, что центральная задача историописания, длительное время понимающаяся как сохранение и восполнение памяти, должна быть изменена? В чём, с точки зрения Мегилла, заключается опасность продолжать и дальше использовать память в качестве достоверного источника исторических фактов?

Ответы на поставленные вопросы невозможны без прояснения того, в чем Мегилл видит специфику работы историка с прошлым, т. е. без понимания основных принципов исторической эпистемологии и обстоятельств, изменивших отношение историографии и памяти. Ключевой особенностью работы историка и одним из основных положений исторической эпистемологии Мегилл считает «принцип нерешительности» или «нерешающей диалектики». Этот принцип заключается в том, профессиональный историк, высказывая суждение о каком-либо историческом событии или феномене, не стремится снять противоречия между альтернативными свидетельствами и получить определенное заключение или построить единую, непротиворечивую теорию. «Нерешающая диалектика» – характерная черта исторического мышления, её суть в том, чтобы сохранять «разрыв или промежуток между прошлой реальностью, которую историк описывает, и миром опыта настоящего» [13, с. 74]. Прошлое и настоящее не раздельны, а различны, и это различие историк обязан учитывать. Если историк пытается соответствовать недостижимому требованию – знать прошлое с уверенностью, он исключает себя из профессиональной традиции историописания.

Не менее важной особенностью исторического исследования является то, что профессиональный историк должен придерживаться концептуального различия между «историческим следом» и «историческим источником». Источник, в отличие от следа, всегда является интерпретацией события, тем, что «неизбежно будут путать с воззрениями людей прошлого и с неадекватными представлениями о том, что произошло» [13, с. 106], поэтому Мегилл определяет «источник» как преднамеренное свидетельство. След же лишен этой примеси, он как непреднамеренное свидетельство, изолирован «от осознанных или бессознательных желаний людей помнить и свидетельствовать каким-то особым способом» [13, с. 106].

С точки зрения американского историка, в основании исторической памяти лежит опыт участников и свидетелей событий, восстановленный и преобразованный ими в нарратив. Без опыта времени человек не смог бы располагать события в их последовательности и отличать прошлое как ушедшее от настоящего и будущего. Однако, Мегилл считает, что «задача историка в меньшей степени должна заключаться в сохранении памяти, чем в ее преодолении или, по крайней мере, в ее ограничении» [12, с. 17]. Затруднение состоит в том, что память – это не простое воспроизведение прошлого пережитого опыта, а сложная конструкция, которая содержит в себе как элементы подлинного знания, так и ошибки и бессознательные искажения. Историк, работающий с памятью, на самом деле анализирует не только повествование о событии, но и содержание сознания и бессознательного в нарративе. Именно поэтому он не может не учитывать того, что работа сознания-воспоминания аккомпанируется субъективным опытом переживания прошлого в настоящем, а повествование включает в себя кроме логической структуры текста еще эмоциональную и ассоциативную, которые взаимно дополняют друг друга. Работа памяти – это не пассивный процесс восстановления пережитого индивидом или социальной группой опыта, а активная реконструкция события прошлого, в котором тесно переплетается реально пережитое с дистанцированной во времени эмоциональной оценкой события с позиции настоящего. Не менее важно учитывать и то обстоятельство, что воспоминания подвержены процессу искажения. Этот процесс протекает по-разному в зависимости от того, о каких воспоминаниях (индивидуальных или коллективных) идет речь. Обращаясь к содержанию памяти, историк имеет дело с другим типом знания. Память содержит два пласта: то, что событие произошло, и то, как оно было непосредственно пережито и закреплено в опыте, воспринято референтом, и, наконец, артикулировано. Таким образом, изучая содержание исторической памяти, историк работает не с фактами, а с образами, обнаруживаемыми в сознании референта памяти. Работа с таким видом объектов требует от историка учитывать, что это субъективная, фрагментарная и иррациональная реальность, изучение которой должно пройти оценку критическим мышлением.

Мыслитель утверждает, что особенностями исторической памяти являются отсутствие рефлексии и критической оценки события, т. е. метапозиции. Память не может быть своим собственным критиком, поэтому воспоминания могут вступать между собой в противоречивые отношения. Это всегда субъективная реальность, конституированная групповыми или личностными ценностями и интересами. В отличие от памяти, история, утвердившись в качестве научного знания, стремится к универсальности и объективности, сближаясь с метаперспективой. Задача историка – подвергнуть сомнению и проверке любое свидетельство, полученное в процессе исследования. При этом появляющиеся противоречия и конфликты свидетельств являются естественной ситуацией в работе историка, тогда как на уровне памяти конфликт воспоминаний не может быть признан.

Кроме того, необходимо учитывать то обстоятельство, что память, с которой имели дело историки в древности, и память, с которой имеют дело историки постмодерна, – это разные виды памяти. В чем же заключается это различие? Какие изменения произошли в исторической науке, которые привели к трансформации её отношения к памяти?

Знаковым изменением, произошедшем в историко-философском дискурсе XX столетия, является тот факт, что историческая память начинает рассматриваться как объект, приобретающий статус самостоятельной ценности. Для современного историка это уже не просто способ получения и хранения информации о прошлом. В социуме начинается сложный и неоднозначный процесс сакрализации памяти. Задача исторической науки заключается в том, что, работая с воспоминаниями, историк фиксирует их и помещает в архив. Архивизация свидетельств освобождает воспоминания от налета святости. В связи с этим появляется сложная для исторической науки альтернатива: историзации или сакрализации событий и свидетельств их участников.

С позиции А. Мегилла, сакрализация памяти, т. е. придание ей священного статуса, осуществляется двумя возможными способами. Во-первых, в процессе сбора свидетельств о недавних исторических событиях, подчеркивается и преувеличивается ценность воспоминаний участников и жертв «самих по себе», но упускается из виду точность и достоверность их воспоминаний. Во-вторых, запускается процесс преувеличения ценности нашего знания об этих воспоминаниях, несмотря на то, что это знание не может рассматриваться как лишенное эмоциональной окраски и объективное. Кроме того, это знание само по себе является формой памяти.

В чем, с точки зрения А. Мегилла, заключается опасность процесса сакрализации памяти? Американский историк считает, то, что свято, не может быть поставлено под вопрос. Кроме того, речевые практики ошибочно рассматривать как пассивные свидетельства, поскольку за ними могут скрываться различные стратегии: самооправдания, политического сопротивления, вины и т. д. Процесс сакрализации памяти лишает историческую науку критической позиции. Еще более опасно, что этот процесс содержит в себе возможность мифологизации воспоминаний событий и героев. Часто воспоминания жертв используют как доказательства преступлений, однако они весьма ненадежны. Они содержат погрешности, со временем изменяются и чем дальше их носители отдаляются по времени от произошедших событий, тем больше они испытывают воздействие того, что они слышали или читали об этом позже, что с неизбежностью приводит к искажению их воспоминаний. «Если мы придаем памяти абсолютную ценность, то мы открываем дверь опасной идее пытаться использовать неизбежные ошибки в воспоминаниях и тем самым полностью дискредитировать то, что говорят воспоминающие» [12, с. 19].

Таким образом, А. Мегилл приходит к выводу, что история не может быть идентифицирована с тем, что называют «памятью», т. е. рассказом свидетелей и очевидцев, в котором каждый раз реконструируются события, оставившие след в их памяти. При этом история не может себе позволить исключить память из своего поля. Как это не парадоксально, история должна быть и рассказом, и памятью. Историк, стремящийся правдиво реконструировать прошлое, должен сообщать о противоречивых свидетельствах и оценках очевидцев и участников событий, но при этом оставлять в тени свои собственные взгляды. Правдивая история – это неоднозначная история. Американский историк настаивает на том, что «...потенциально очень опасно рассматривать память в качестве источника исторических фактов» [13, с. 105], потому что:

- воспоминания отмечены погрешностями;
- воспоминания меняются со временем;

- при воспоминаниях наблюдается тенденция смешения информации о действительно пережитом опыте с тем, что человек узнал после самого события;
- использование воспоминаний как абсолютной ценности может привести к дискредитации того, что говорят вспоминающие.

Акцент на наличии напряжения в отношениях между историей и памятью делает немецкий историк и культуролог А. Ассман. Она объясняет это тем, что «личные воспоминания долгое время не считались серьезным источником для исторического исследования; напротив, историк стремился воссоздать объективную картину событий вопреки субъективным воспоминаниям, пристрастным и неизменно искажающим реальность. Воспоминания и память являлись противниками ученого-историка» [4, с. 46]. Изменение отношений между историей и памятью (индивидуальной и коллективной) претерпели серьезные изменения после травматических массовых событий Второй мировой войны. В историческом дискурсе постепенно начинает происходить «...последовательное сближение истории и памяти. Они уже не кажутся полярными понятиями, а образуют новые синтетические формы» [4, с. 46]. Эту интеграцию коллективной памяти в историю можно объяснить тем, что в историческом дискурсе появляется пристальное внимание к исследованию травматического опыта и его последствий для участников этих событий и повышается ценность воспоминаний и устных преданий. «Позитивистская историческая наука упирается в свои границы там, где умолкают ее источники. Преодолеть эти границы помогают устные свидетельства и предания, особенно тогда, когда в постколониальных странах оказывается разрушенной местная культура или когда после геноцида возникает посттравматическая ситуация и архивные документы не в состоянии зафиксировать пережитое» [4, с. 46–47].

В отличие от П. Нора, А. Ассман считает, что антагонизм между историческим исследованием и коллективной памятью остался в прошлом. Он был характерен только для определенного исторического этапа взаимоотношений между историей и памятью. В современном дискурсе отношения исторической науки и памяти преодолевают противоречия и выходят на новый этап взаимодействия, который можно определить как конкурирующий и взаимно корректирующий синтез. Сближение исторического исследования и исторической памяти начинается с 1980-х гг. и все больше набирает обороты. История и память «...уже не кажутся полярными понятиями, а образуют новые синтетические формы» [4, с. 46]. Что же послужило причинами изменений в отношениях между историей и памятью? Поворотным пунктом в этом вопросе стала история нацизма и холокоста. Поиск ответов на вопросы «Почему?» и «Кто виновен?» привел к всплеску интереса к своему историческому прошлому и его переосмыслению. «Двенадцать лет гитлеровской диктатуры стали центром тяжести всей немецкой истории, к которому телеологически устремлены любые предшествующие события и который делает все дальнейшие события лишь его следствием» [14, с. 353]. Поэтому главной причиной изменений в отношениях истории и памяти послужило «осознание цивилизационного разлома и других исторических травм», которое привело к новому обращению «к конструкциям коллективной памяти и идентичности» [14, с. 361].

А. Ассман считает, что главным недостатком позиции П. Нора является тот факт, что он, сконцентрировав внимание на противоположности истории и памяти, упустил из виду их взаимозависимость. Он не смог увидеть того, что выполнение памятью и историей своих задач возможно только при условии их взаимодействия. Что же послужило причинами, по которым история и память от антагонизма перешли к взаимодействию? И можно ли сказать при этом что все противоречия между ними сняты?

Современная историография не может игнорировать содержание коллективной и индивидуальной памяти. Очевидно, что традиционная история – документы, первоисточники, официальные архивы и отчеты, составленные правительственными органами или учреждениями, – часто упускают из внимания свидетельства членов маргинализируемых обществом групп, не стремятся зафиксировать эмоционально окрашенные свидетельства непосредственных участников событий. Это упущение приводит к искажениям и ошибкам в официальной истории, не объективно расставленным акцентам. Содержание коллективной и индивидуальной памяти представляет для профессионального историка неоспоримую ценность, поскольку открывает перспективы для прогнозирования событий будущего. Противоречия между памятью и историей в принципе никогда не будут сняты, и это факт, с которым историкам придется смириться. «Исследования человеческой памяти могут объяснить и то, почему свидетели вспоминают пережитые в прошлом события совсем не так, как говорят о них исторические факты: эти люди, возможно, вовсе не отрицают и не «вытесняют» прошлое, просто у них имеется эмоционально кодированное представление о нем, которое почти или вовсе не может быть изменено за счет информации, полученной в более позднее время» [15]. Таким образом, многие политические конфликты в современных обществах можно объяснить с точки зрения теорий памяти.

Если историческая наука не будет обращаться к содержанию коллективной и индивидуальной исторической памяти, она утратит способность к пониманию и объяснению путей, по которым происходит формирование мировоззренческих идей, актуальных для того или иного типа общества. Появление этих идей связано с влиянием на индивида коллективных представлений социальных групп. Кроме того, «изучение коллективной памяти может рассматриваться как часть исследований политической культуры в связи с тем, что оно затрагивает культурное устройство политической идентичности и деятельности» [16, с. 28]. Коллективная память для историка, понимаемая как совокупность актуальных для настоящего представлений о прошлом, выступает источником для формирования национальной идентичности. «Идентичностью обладают соответственно не только личности, но вообще все рефлексивные системы» [17, с. 192], т. е. любые социальные группы. Одно и то же историческое событие, участником которого были несколько стран, может быть совершенно по-разному представлено на уровне коллективных представлений о прошлом. Эти разные представления выступают потенциальными источниками «войн памяти». При этом особую опасность представляет тот факт, что коллективные воспоминания имеют пролонгированный эффект. Споры и конфликты вокруг определенных исторических событий не только не утихают по мере вымирания поколений, переживших их на собственном опыте, а становятся более интенсивными. «Вместо того, чтобы быть стабильными, коллективные воспоминания часто находятся в постоянном движении» [18, с. 443]. Порой они порождают новые ситуации «конкуренции воспоминаний». Любой конструкт коллективной памяти одновременно с сохранением воспоминаний осуществляет трансляцию ценностей и может выступать основой для формирования идеологии любого политического режима.

Таким образом, проделанный анализ проблемы взаимоотношений коллективной исторической памяти и исторической науки на примере концепций памяти М. Хальбвакса, П. Нора, А. Мегилла и А. Ассман позволяет сделать **следующие выводы:**

1. Память была и остается одним из источников историописания, поскольку она является способом получения коллективного и индивидуального опыта времени. История как научная дисциплина и коллективные воспоминания о прошлом, конституированные в концепте «коллективная историческая память», тесно связаны и взаимно пе-

ресекаются. С одной стороны, историческая наука испытывает влияние со стороны массовых стереотипов, мифов, представленных в коллективной памяти. Она вынуждена вести с ними борьбу посредством критики и исторической рефлексии. С другой стороны, история делает их предметом своего исследования со второй половины XX в. и сама способна оказывать влияние на них.

2. В современном гуманитарном дискурсе можно выделить четыре основных позиции по проблеме взаимоотношений исторической науки и памяти. Это позиция М. Хальбвакса, которую можно обозначить как «позицию последовательной трансформации памяти из живого опыта в архив», позицию П. Нора – как «позицию антагонизма между памятью и историей». Концепцию А. Мегилла можно определить как «позицию ограничения памяти как достоверного источника исторических фактов» и концепцию памяти А. Ассман – как «позицию интеграции памяти в историю».

3. Взаимоотношения между официальной исторической наукой и памятью социальных групп не исключают возникновения идейных конфликтов («история может убить память, так же, как и память может убить историю» [19]). Обращаясь к историческим источникам в процессе образования, коллективная память может видоизменять свою трактовку событий, выборочно подчеркивая одни эпизоды, затушевывая другие, привнося какие-то новые штрихи. Таким образом, история и память не существуют независимо друг от друга, не развиваются в противоположных направлениях – они находятся в постоянной борьбе между собой, но в то же время они неизбежно зависят друг от друга.

4. Изучение истории формирует историческую культуру нации и одновременно создает ядро коллективной исторической памяти, которое конституируется не тем, о чем мы помним, а тем, что мы знаем о истории своей страны и героических страницах её прошлого.

5. Обращение исторической науки к анализу воспоминаний о прошлом, которые зафиксированы и воспроизводятся в коллективной памяти социальных групп, позволяет получить знание не только ситуативного опыта прошлого, но и той ментальной составляющей, которая в виде коллективных обыденных воспоминаний транслируется представителями предыдущего поколения потомкам. Таким образом, ситуативный опыт прошлого предстает перед историками в более широком культурном контексте. Приобщение исторической науки к различным версиям исторической памяти открывает новые возможности для интерпретации событий прошлого. И в этом случае речь идет о памяти, подлинность которой как бы «заверена», о памяти, «преобразованной в историю», т. е. история является формой преобразования коллективной памяти.

6. Способ организации взаимоотношений коллективной памяти и исторической науки можно определить через принцип комплементарности [20]. Этот принцип состоит в том, что память и история взаимодействуя могут выполнять свои функции, только дополняя друг друга по содержанию. Однако они остаются различными по своей сущности. Память и история реконструируют разные аспекты прошлого. История стремится к объективности посредством исторического критицизма и верификации. Память определяет ценностное отношение к событиям прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Memory in global age: discourses, practices and trajectories (Palgrave Macmillan Memory Studies) / Eds. A. Assmann, S. Conrad. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – 252 p.
2. Sontag S. Regarding the pain of others. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2003. – 131 p.
3. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Вино // Франция-память. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Мегилл А. История и память: за и против // *Философия и общество*. – 2005. – № 2 (39). – С. 132–165.
6. Rieff D. In praise of forgetting: historical memory and its ironies. – New Haven, CT: Yale University Press, 2016. – 160 p.
7. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26
8. Рикёр П. Память. История. Забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 12.07.2021).
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
11. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
12. Мегилл А. Глобализация и история идей // *Диалог со временем*. – 2005. – № 14 – С. 11–20.
13. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.
14. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
15. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения 12.07.2021).
16. Олик Дж. Коллективная память: две культуры // *Историческая экспертиза*. – 2018. – № 4 (17). – С. 22–49.
17. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 456 с.
18. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective memory from a psychological perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2018. – V. 22. – № 5. – P. 438–452.
19. Khapraeva D. Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2016. – V. 49. – P. 61–73.
20. Корнющенко-Ермолаева Н.С. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2020. – № 3 (38). – С. 32–51. URL: <https://jwt.su/journal/article/view/1028/1045> (дата обращения 12.07.2021).

Поступила 20.07.2022 г.

DIALECTICS OF RELATIONS BETWEEN COLLECTIVE MEMORY AND HISTORY: PRO ET CONTRA

Natalia S. Kornushchenko-Ermolaeva,
nskorn@yandex.ru

Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics,
40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

Natalia S. Kornushchenko-Ermolaeva, senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics.

The relevance of research. *The increased interest in history and collective historical memory at the beginning of the XXI century is associated with the crisis of national identity and the loss of clear ideas about the future. The article is devoted to the problem of the relationship between historical science and memory over the past two centuries, which boils down to solving the question of how history as a scientific discourse and collective ideas about the past, represented in the concept of «collective historical memory», correlate. Paying attention to the «memorial turn» of the second half of the XX century, the article investigated the dynamics of discussions of this problem since the middle of the XX century on the example of the four most influential positions. The main purpose of this article is to show the main arguments of the participants in the controversy on this issue and to formulate the main positions in its solution (the article identifies four main points of view on the problem under discussion: «the position of sequential transformation of memory from living experience into an archive», «the position of antagonism between memory and history», «the position of memory limitation as a reliable source of historical facts» and «the position of memory integration into history»).*

Methods. *The theoretical and methodological basis of the research is the concepts of memory of M. Halbwax, P. Nora, A. Megilla and A. Assman and their comparative analysis. Conclusions.* *The features of the relationship between official historical science and the memory of social groups, which suggest the emergence of ideological conflicts, are revealed. History and memory cannot exist independently of each other. They do not move in opposite directions, but are in constant struggle with each other and at the same time inevitably depend on each other. The study of various versions of historical memory by historical science opens up new opportunities for interpreting past events and predicting the future. The way of organizing the relationship between collective historical memory and historical science can be formulated as the principle of complementarity. It is expressed in the fact that memory and history, interacting, can perform their functions only mutually complementing each other in content and functions.*

Key words: *Collective historical memory, «memorial turn», history, principle of complementarity, historiographical revolutions.*

REFERENCES

21. *Memory in global age: discourses, practices and trajectories (Palgrave Macmillan Memory Studies)*. Eds. A. Assmann, S. Conrad. Basingstoke, N.Y., Palgrave Macmillan, 2010. 252 p.
22. Sontag S. *Regarding the pain of others*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2003. 131 p.
23. Nora P., Ozuf M., Zh. de Pyuimezh, Vino M. Problematika mest pamyati [Problems of places of memory]. *Frantsiya-pamyat*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999. pp. 17–50.
24. Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo: memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p.
25. Megill A. Istoriya i pamyat: za i protiv [History and memory: pros and cons]. *Philosophy and society*, 2005, no. 2 (39), pp. 132–165.
26. Rieff D. *In praise of forgetting: historical memory and its ironies*. New Haven, CT, Yale University Press, 2016. 160 p.

27. Ryuzen Y. Utrachivaya posledovatelnost istorii (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) [Losing the consistency of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and debates on memory)]. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii*, 2001, Iss. 7, pp. 8–26.
28. Ricoeur P. *Pamyat. Istoriya. Zabvenie* [Memory. Story. Oblivion]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004. 728 p.
29. Halbvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat* [Collective and historical memory]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 12 July 2021).
30. Halbvaks M. *Sotsialnye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2007. 348 p.
31. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 368 p.
32. Megill A. Globalizatsiya i istoriya idey [Globalization and the history of ideas]. *Dialog so vremenem*, 2005, no. 14, pp. 11–20.
33. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow, Kanon+ROOI Reabilitatsiya Publ., 2007. 480 p.
34. Assman A. *Zabvenie istorii – odezhimost istoriey* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 2019. 552 p.
35. Welzer H. *Istoriya, pamyat i sovremennost proshlogo* [History, memory and modernity of the past]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (accessed 12 July 2021).
36. Olik J. Kollektivnaya pamyat: dve kultury [Collective memory: two cultures]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no. 4 (17), pp. 22–49.
37. Lubbe G. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [Keeping up with the times. Shortened stay in the present]. Moscow, HSE Publ., 2019. 456 p.
38. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective memory from a psychological perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018, vol. 22, no. 5, pp. 438–452.
39. Khapaeva D. Triumphant memory of the perpetrators: Putin's politics of re-Stalinization. *Communist and Post-Communist Studies*, 2016, vol. 49, pp. 61–73.
40. Korniyushchenko-Ermolaeva N.S. Collective historical memory: the basis for defining the concept and its role in modern culture. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2020, no. 3 (38), pp. 32–51. In Rus. Available at: <https://jwtsu/journal/article/view/1028/1045> (accessed 12 July 2021).

Received: 20 July 2022.